

Чарская Лидия Алексеевна

Свои, не бойтесь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Ч.**
Свои, не бойтесь! / Чарская Лидия Алексеевна – М.: Книга по Требованию,
2026. – 142 с.

ISBN 978-5-521-29823-5

Содержание: Свои, не бойтесь!; Отец; Платформа № 10; Мститель; Левушка; Девушка с кружкой; Двое и один; Бирюзовое колечко; Дорогою ценою,

ISBN 978-5-521-29823-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Такъ ли праздновали день ея рожденья въ прежніе счастливые годы? Тогда гремѣла музыка (приглашали изъ Львова военный оркестръ), плясали краковякъ и мазурку до самаго солнечнаго восхода. Шампанское лилось рѣкою. Молодые пани и паненки, жены и дочери сосѣднихъ помѣщиковъ, лихо постукивали высокими каблучками въ тактъ бряцанія шпоръ своихъ кавалеровъ.

А теперь гдѣ они, эти кавалеры? Всѣ на войнѣ, воюють съ москалями, поливая кровью свою каждую пядь земли. Вонъ, говорятъ, русскіе побѣждаютъ все время. А насколько это правда, здѣсь даже и не знаютъ. Всѣ газеты только и заняты прославленіемъ подвиговъ славнаго австрійскаго воинства, разбивающаго врага на каждомъ шагѣ. На дѣлѣ же слышно совсѣмъ иначе: австрійцы отступаютъ, а москали преслѣдуютъ ихъ чуть ли не по пятамъ.

III.

— Анелька, Марина, Людовика, Зося! Здравствуйте; здравствуйте, золотенькія мои! Рада, что пріѣхали поскучать со мною нынче! Ужъ извините, не по обычному примемъ сегодня. Какой ужъ день рожденья, когда ни музыки не будетъ, ни обѣда званнаго, ни танцевъ до утра! Чашку шоколада, фрукты и бокалъ стараго венгерскаго можемъ предложить мы нынче и только.

— И вздоръ же ты мелешь, Вандуся! Не для угощенья пріѣхали, слава Богу, а тебя повидать.

— Такъ ужъ не осудите, во имя Бога!

— Ахъ, ты, проказница!—и молодой, серебри-

стый дѣвичій смѣхъ сразу наполнилъ всѣ уголки громаднаго помѣщичьяго дома.

Хотя никого не приглашали нынче въ день рожденія дочери старуха Картовецкая, а не утерпѣли молоденькія паненки и — кто верхомъ, кто въ тарантасѣ, кто въ помѣщичьемъ шарабанчикѣ — пріѣхали въ Лѣсные Ключи навѣстить хорошенькую Ванду. Прискакала на взмыленномъ ворономъ конѣ дочь земскаго, смуглая Анелька Косаковская съ быстрыми, какъ буря, глазами и съ ярко-малиновымъ смѣющимся ртомъ. Прикатили въ своемъ допотопномъ шарабанчикѣ помѣщицы Магда и Зося Пшебыцкія, обѣ румяныя свѣжія, веселыя хохотушки. Пріѣхала княжна Марина, дочь князя Любовицкаго, черноволосая, синеглазая красавица съ груднымъ, какъ музыка, контральто, и Людовика, дочь землемѣра, и даже младшая сестрица пана ксендза, Текла, тоже не позабыли явиться поздравить новорожденную.

Звономъ свѣжихъ молодыхъ голосовъ сразу наполнился пріунывшій было помѣщичій домъ. Молодое общество суетливо разсѣлось вокругъ чайнаго стола, а къ нему вскорѣ выплыла изъ внутреннихъ покоевъ дородная пани Маргарита Картовецкая.

Много слезъ пролила она въ послѣднее время по ушедшимъ въ армію сыновьямъ, такъ много, что глаза ея совсѣмъ распухли, а губы уже не улыбались ласковой, специфической улыбкой польской женщины.

Смуглая Ануся и старый лакей Михаилъ стали разносить дымящійся въ чашкахъ ароматичный шо-

коладъ и бокалы съ венгерскимъ. На столѣ были аппетитно разставлены домашніе торты и печенье. Нарядныя дѣвушки щебетали, какъ птички.

— Конечно недостаетъ кавалеровъ, — играя черными глазами, сказала кокетливая, бѣдовая Анелька, — конечно безъ мужчинъ и праздникъ не въ праздникъ, но все же приятно и такъ поболтать, подѣлиться впечатлѣніями и ужасами войны, поплакать подъ шумокъ о тѣхъ, кто милъ сердцу и кто сражается на бранномъ полѣ.

Едва договорила эти слова черноглазая паненка, какъ молодое оживленіе нарушилъ полный ужаса крикъ, отчаянной дикой нотой донесшійся со двора:

— Казаки! Спасайтесь, казаки!

Смуглая Ануся, выронивъ чашку съ шоколадомъ, схватила за руку Ванду, шепча съ помертвѣвшимъ лицомъ:

— Спасайтесь, паненки, спасайтесь во имя Господа! Матка Боска! Езусъ-Марія! Сердце Езусово! Казаки! Казаки!

Молоденькія гостыи Картовецкихъ повскакали со своихъ мѣстъ и заметались по комнатамъ.

— Кто сказалъ? Откуда?

— Казаки! Вѣрное слово, они!

— Близо уже, на опушкѣ лѣса, Матерь Божья! Всѣхъ насъ переколятъ-Езусъ-Марія! Сердце Езусово Казаки. Забьютъ! — продолжалъ кричать во дворѣ тотъ же голосъ.

Страшный переполохъ и волненіе достигли высшей точки своего напряженія.

Волновались не даромъ. Кромѣ стараго Михаила да садовника и кучера, не было другого мужского персанала въ усадьбѣ Картовецкихъ. Изъ деревни тоже большая часть мужского населенія была угнана на войну. Да и что могли сдѣлать нѣсколько десятковъ невооруженныхъ сельченъ съ лихимъ казачьимъ отрядомъ?

Старая пани Маргарита Картовецкая первая сообразила все это. Мелькнула въ ея старой головѣ мысль, что хорошо бы спрятать Ванду и остальныхъ дѣвушекъ куда нибудь подальше, пока здѣсь будутъ хозяйничать казаки; а то, не приведи Иисусъ, наскочатъ эти лихіе воины тучею—тогда не сдобровать молодежи. Вѣдь вотъ что въ газетахъ-то про нихъ пишутъ: говорятъ, казаки живемъ ѣдятъ захваченныхъ въ плѣнъ.

Но, прежде чѣмъ исполнить мелькнувшее въ головѣ намѣреніе, пани Маргарита сказала ревѣвшей благимъ матомъ Анусѣ:

— Ты бы пошла да узнала толкомъ. Гдѣ они? Близко ли?

— Я пойду узнаю, мамочка,—промолвила Ванда голосомъ, звенящимъ отъ волненія, но полнымъ рѣшимости. — Я сбѣгаю сама на свой холмъ. Оттуда все видно, какъ на ладони.

— Что ты, что ты! Господь съ тобою! Да я скорѣе умру, чѣмъ отпущу тебя одну!—въ испугѣ пролепетала старая пани.

— Тогда лучше мы всѣ вмѣстѣ пойдемъ,—предложила княжна Марина Любовецкая, и ея сініе глаза сквозь отражавшуюся въ нихъ дымку страха загорѣлись невольнымъ любопытствомъ.

На это предложеніе старая пани, хозяйка Лѣсныхъ Ключей, ничего не возразила, — надо же узнать какъ нибудь.

Густой, маленькой толпой поспѣшили всѣ въ садъ. Впереди шла старая пани, за нею—паненки, позади — Ануся, садовникъ и Михаилъ. Мимо бѣлыхъ статуй и мраморнаго фонтана всѣ торопливо спѣшили по каштановой аллеѣ. Лица всѣхъ были блѣдны, тревогой горѣли глаза.

Первой вбѣжала на холмъ пана Ванда, стала всматриваться въ даль, укрывшись отъ солнца рукою. Но не долго смотрѣла она; уже черезъ минуту обернувшись съ просвѣтленнымъ лицомъ весело крикнула:

— Вотъ такъ казаки! Нечего сказать! Казаки! Какіе же мы всѣ глупые, однако!.. кого за москалей приняли! Успокойтесь, мамочка, Анелька, Марина, Людовика!.. Это же свои;—не бойтесь!

IV.

«Снова собрались въ столовой гости пани Картовецкой. Но теперь ихъ стало вдвое больше прежняго. За столами, попережку съ барышнями, сидѣли австрійскіе уланы-офицеры: черноусый лихой начальникъ отряда и еще четыре молодые офицера. А на кухнѣ, въ людской и на дворѣ смуглая Ануся съ помощью другой прислуги угощала домашними запасами размѣстившихся тамъ солдатъ. Остальная ихъ часть осталась въ селеніи.

Невеселы были случайные, незванные гости пани Картовецкой. Даже старое, чуть ли не съ

сотню лѣтъ выдержанное въ помѣщичьихъ погребѣхъ венгерское не могло развлечь ихъ. Вдобавокъ всѣ были голодны, какъ волки, и съ жадностью кинулись на колбасу и окорока, всегда имѣвшіяся въ запасѣ у хозяекъ Лѣсныхъ Ключей. Они ѣли торопливо и между ѣдою сообщали нерадостныя вѣсти.

Австрійскія войска принуждены были отдать Львовъ и теперь отступаютъ къ Кракову. Русская армія слѣдуетъ за ними по пятамъ. Сами демоны помогаютъ москалямъ: сверхчеловѣческіе переходы совершаютъ они въ самый непродолжительный срокъ.

Уланы могли бы рассказать еще кое что, благо старое венгерское, выпитое на отощавшій желудокъ, ударило въ головы, а глаза юныхъ паненокъ такъ и вырывали слова у нихъ изо ртовъ.

Однако уланамъ было не до этого—они больше налегали на венгерское и закуску, нежели на болтовню.

Это отразилось вскорѣ и на барышняхъ. Начавшееся было молодое оживленіе при встрѣчѣ своихъ погасло въ самомъ корнѣ. Нечего было и думать о кокетствѣ, о легкомъ, невинномъ флиртѣ. Дѣвушки притихли. Даже пламенные глаза Анельки, бросавшіе до этой минуты краснорѣчивые взгляды въ сторону браваго красавца-ротмистра, какъ-то погасли сразу.

Начальникъ отряда вскорѣ уѣхалъ въ селенье, а его уланы остались въ имѣньѣ. Имъ было приказано устроиться тутъ на постой, причемъ пани Картовецкой было вручено письменное распоряженіе о томъ.

Молодые гости Ванды разѣхались засвѣтло. Хозяйки со своими постояльцами остались однѣ. Офицеры продолжали пить въ столовой, солдаты—на дворѣ подъ открытымъ небомъ. Все чаще и чаще доносились со двора ихъ пьяные возгласы и крики. Уже смуглая Ануся прибѣжала въ горницы съ разорваннымъ лифомъ и заплаканнымъ лицомъ, жалуюсь на солдатъ, позволявшихъ съ нею грубыя, непристойныя шутки. Но заступиться было некому—всѣ находившіяся въ горницѣ офицеры были мертвецки пьяны.

V.

Ванда лежала въ своей чистой дѣвичьей постели и съ испугомъ прислушивалась къ пьянымъ крикамъ и хохоту, все еще доносившимся со двора. Къ этимъ крикамъ вскорѣ присоединились женскіе голоса, какой-то визгъ, вопли. Нѣжная и хрупкая Ванда дрожала въ своей дѣвичьей узкой кроваткѣ.

Изъ угла комнаты на нее смотрѣло Распятіе, озаренное дрожащимъ свѣтомъ лампы. Съ неясной молитвой обратилось къ Нему сердце маленькой дѣвушки. Но о чемъ надо было просить Небо, Ванда не могла сейчасъ уяснить себѣ. Вѣдь бушевавшіе внизу солаты были „свои“ солдаты, защитники той страны, къ которой принадлежала и она сама. Стало быть, нечего было бояться ихъ. А, между тѣмъ, эти дикіе крики и хохотъ невольно внушали страхъ.

Вдругъ отчаянный вопль прервалъ мысли Ванды,

за нимъ послѣдовалъ еще вопль и еще. Не было сомнѣнія—кричала Ануся.

„Да, это — она... ея голосъ, ея крикъ“, — съ ужасомъ подумала Ванда.

На мгновеніе крикъ затихъ, но затѣмъ снова жуткимъ, хлещущимъ по нервамъ звукомъ понесся со стороны сада.

Не помня себя, вскакиваетъ съ постели Ванда, подбѣгаетъ къ окну и при свѣтѣ фонарей, ярко освѣщающихъ дворъ, видитъ: трое уланъ, отбившихся отъ общей группы пирующихъ на дворѣ солдатъ, тащатъ отчаянно вырывающуюся изъ ихъ рукъ Анусю.

Тогда Ванда быстро накидываетъ на себя халатикъ, распахиваетъ дверь спальни и несется въ столовую, гдѣ, какъ она знаетъ, еще бражничаютъ офицеры. Ей надо тотчасъ же открыть имъ глаза на поступки ихъ подчиненныхъ, не медля ни минуты, просить ихъ заступничества и выручить Анусю. Съ этою мыслью она и бѣжитъ туда.

На порогѣ смежной со столовой комнаты чьи-то руки неожиданно схватываютъ ее въ темнотѣ, чьи-то дерзкіе пальцы сжимаютъ ея плечи, чьи-то отвратительныя, пахнушія виномъ губы присасываются къ ея губамъ. Ея обнаженные руки касаются холодныхъ пуговицъ мундира.

— Куда, моя крошка, куда? — слышитъ Ванда гаворящій по-нѣмецки пьяный отъ вина и животной страсти голосъ одного изъ своихъ гостей, едва держащагося на ногахъ.

Съ силой отталкиваетъ его отъ себя дѣвушка. Уланъ-австріецъ шатается и падаетъ на полъ. Нецензурная ругань срывается у него съ губъ.

Но въ тотъ же мигъ другія руки подоспѣва-
шаго сзади другого улана схватываютъ Ванду.

— Нечего съ нею церемониться! — бормочетъ
онъ пьянымъ лепетомъ, перемѣшивая нѣмецкую
рѣчь съ польской,—поляки—тѣ же руссы, то же
проклятое славянское племя... предатели и пере-
бѣжчики, какихъ мало. Тащи же ее сюда, къ намъ,
дѣвченку, Людвигъ! Въ женскомъ обществѣ куда
будетъ веселѣе пировать!

Это — послѣдняя фраза, которую слышитъ
Ванда. Къ своему счастью, или несчастью она
теряетъ сознаніе въ тотъ же мигъ.

О т е ц ъ.

I.

Въ этомъ году особенно оживленнымъ казался сезонъ въ небольшомъ австрійскомъ курортѣ близъ австро-германской границы. Старожилы курорта не запомнятъ другого такого громаднаго стеченія публики. Кокотки всѣхъ странъ и національностей, дамы общества и пріѣзжія на грязи артистки эффектно пестрили широкую и прямую, какъ стрѣла, аллею Изабеллы. Съ утра до вечера то въ одной части парка, то въ другой гремѣла музыка. Красиво выдѣлялись въ зелени каштановъ и пихтъ, на бѣлыхъ стѣнахъ ротондъ, подъ кровлями которыхъ пріютились источники, голубые, бѣлые и черные мундиры офицеровъ гвардейскихъ полковъ, квартировавшихъ тутъ же поблизости, въ десяти верстахъ отъ курорта, въ старинномъ городѣ, сохранившемъ до сихъ поръ свой средневѣковый стиль и развалины замка Валленштейнъ. Веселая болтовня, флиртъ на всѣхъ языкахъ и среди смѣшанныхъ національностей, постоянная смѣна туалетовъ, нестерпимый ароматъ бархатистыхъ маленькихъ австрійскихъ розъ, продаваемыхъ тутъ же въ кіоскахъ, и опять музыка, специфически опереточная музыка курортовъ, до-